

А. Н. Максимчик*

Вклад уроженцев Беларуси в изучение Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.)

В XVI–XIX вв. динамика политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений Российского государства с народами Кавказа определяла научные направления, уровень и глубину полученных знаний о Кавказском регионе. В Российской империи сбор научных данных об этом регионе опирался на отчетливое понимание руководством их практической значимости в разрезе внешне- и внутривнутриполитических интересов государства.

Завершение процесса присоединения Кавказа к Российской империи в 1860-е поставило перед научным сообществом задачу создания комплексной программы, направленной на органическое слияние этих территорий с остальной частью империи. Неслучайно военный писатель полковник Г. Н. Казбек (1840–1921) подчеркивал, что «мы [русские. – *авт.*] не должны увлекаться иллюзиями и не считать страну вполне умиротворенной», и следует признать, что «большинство туземного населения Терской области не слилось с Россией органически, а только спаялось механически» [3; 11–12].

Эффективность углубленной интеграции Кавказа в административно-правовые и социально-экономические структуры нового государства напрямую было связано с необходимостью выравнивания общественно-экономических структур горского социума с уровнем развития империи путем комплексной модернизации региона. Решение этой задачи имело обоюдополезный характер как для ученых-кавказоведов, так и для представителей государственных институтов. Задача осложнялась тем, что наука практически не имела в своем распоряжении достаточного объема необходимой информации. На этот факт в феврале 1864 г. прямо указывал в своей записке на имя великого князя Михаила Николаевича начальник Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи (1821–1899). Обосновывая необходимость создания Кавказской археографической комиссии, он отмечал следующее:

* **Андрей Николаевич Максимчик** – к. и. н., кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (г. Минск).

«не без основания по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой обширной и разнохарактерной части нашего отечества... В этом отношении до сего времени Правительством ничего не было предпринимаемо, и Кавказ по прежнему остается страной неизвестной даже для самой России» [11; л. 1].

Для изменения сложившейся ситуации российским руководством была объявлена «мобилизация» научных кадров для проведения работ на Кавказе. Активно в нее включились и уроженцы Беларуси, которые внесли существенный вклад в изучение различных сторон Кавказского региона. Среди них можно назвать известных братьев Иосифа (1800–1881) и Александра (1804–1891) Ходько, Тадеуша Лада-Заблоцкого (1813–1847), Карла Богдановича (1864–1947), Оттона Чечотта (1853–1924), научная деятельность которых стала предметом изучения для ряда историков [2; 15]. Однако этими именами список белорусских исследователей далеко не исчерпывается.

В летопись научного изучения Кавказа необходимо также внести уроженца г. Пинска, инженера-писателя, начальника Кавказского округа путей сообщения Болеслава Игнатьевича Статковского (1825–1898) [16]. Образование он получил в Пинской гимназии и в Институте корпуса инженеров путей сообщения (1844–1847). По окончанию института молодой инженер был направлен служить на Кавказ. На новом месте ему было поручено подготовить проект улучшения изрядно устаревшей Военно-грузинской дороги, для чего в 1857 г. его командировали в Швейцарию, Бельгию и Францию. Там он изучал передовой опыт европейских коллег в строительстве горных дорог и тоннелей. В итоге в конце августа 1861 г. движение по новой шоссейной дороге было открыто. В 1870–1880-е гг. опытный инженер Статковский принимал участие в сооружении Закавказской железной дороги. Практическая деятельность и служебные обязанности тесно переплетались с научно-исследовательской работой, взаимодополняя друг друга. Это отчетливо видно из предисловия к его работе «Задачи климатологии Кавказа», в которой Б. И. Статковский писал: «Занимаясь проектом устройства железной дороги через главный Кавказский хребет, для соединения Тифлиса с Ростово-Владикавказской железной дорогой, первым вопросом, который представился для решения, это высота, до которой в открытом пространстве безопасно поднять линию дороги, в отношении снежных бурь и метелей. Вопрос этот может быть только разрешен сравнением климатических условий Кавказа с таковыми же условиями положения существующих горных железных дорог. Занятия по исследованию этого вопроса завлекли меня на непечатую почти почву, почему пришлось расширить пределы моего труда и таким образом положить некоторые основания для

науки, над которой надобно еще много и многим потрудиться, чтобы составить понятие о климате Кавказа, столь разнообразном во всех его уголках» [14; 3]. В результате поиска ответов на поставленные вопросы исследователь значительно обогатил науку сведениями о климате и ледниках Кавказа, собрал коллекцию гербария высокогорных видов явнобрачных и передал ее в Кавказский музей в Тифлисе [12; 14]. Применение на практике полученных знаний подтолкнуло его к необходимости строительства метеорологических станций на Кавказе, а также организации в 1877 г. Кавказского Альпийского клуба при Кавказском обществе естествознания.

Позитивный потенциал обладания достоверными знаниями о климате Кавказа и их благотворное влияние на оздоровление людей отстаивал уроженец Игуменского уезда (совр. Червенский район) Минской губернии профессор Петербургской военно-медицинской академии Федор Игнатьевич Пастернацкий (1845–1902). По роду своей деятельности он исследовал лечебные факторы Кисловодска, описал санитарно-гигиеническое состояние курорта [7]. По просьбе директора Кавказских Минеральных Вод ему было поручено дать заключение о действии минеральных вод на организм человека в натуральном и газированном виде. Под руководством Ф. И. Пастернацкого была проделана серия исследований, посвященных изучению физиологического действия минеральных вод Эссентуки, Баталинская, Боржоми [6; 78].

Много внимания ученый уделял изучению климатических особенностей Черноморского побережья Кавказа, что позволило аргументированно опровергнуть версию о москитной теории болотной лихорадки, являвшейся «тормозом» колонизации этого края [8; 9]. Им была подготовлена подробная карта распределения лихорадок на Кавказе. Интересно, что Ф. И. Пастернацкий высказал идею о проведении колонизацию Черноморского побережья не населением центральных областей России, а белорусами и украинцами. Со знанием дела он подчеркивал, что «степной русский мужик, переселившись в горы, при новых для него климатических и природных условиях, не так скоро привыкает и больше страдает от местных лихорадок при работе на сырой почве, чем привычный к работе на низинах белорус или малоросс. К тому же, великороссы плохо усваивают себе необходимую по здешним местам привычку селиться отдельно разбросанными хуторами и поселками (аулами), к чему более привычны на своей родине малороссы и белорусы» [9, с. 58].

Ф. И. Пастернацкий также вошел в историю и как инициатор и организатор Всероссийской гигиенической выставки (1894) и I Всероссийского съезда по климатологии, гидробиологии и бальнеологии (1898) [1, с. 270].

Не только природа, но и народы, населяющие Кавказ, требовали пристального изучения. В этом ключе свой вклад в кавказоведение внес белорусский этнограф и фольклорист Александр Казимирович Сержпутовский (1864–1940). Ему трижды удалось посетить Кавказский регион. В его служебной характеристике имеется запись: «В 1910 г. исполнил научные командировки к дидам в Нагорный Дагестан, в 1911 г. к каратинцам в Нагорный Дагестан» [10; л. 78]. По заданию этнографического отдела Русского музея им были собраны уникальные коллекции образцов материальной культуры малочисленных народов Западного Дагестана: дидайцев, каратинцев, бежтинцев, ботлихцев и гинухцев. А. К. Сержпутовским было документально подтверждено существование этих уникальных малочисленных этносов, описана их материальная культура, обычаи, традиции, верования, устное народное творчество, составлен русско-дидайский словарь [13; 295–302].

В дополнении к этому в 1912 г. с разрешения Музея от выставки «Русская Ривьера» ученый был командирован на Западное Черноморское побережье Кавказа [10; л. 84]. Здесь ему удалось собрать этнографические коллекции у черкесов Черноморской губернии, абхазцев Сухумского округа, а также мингрельцев (домашняя утварь, образцы черкесских ковров и матов, сельскохозяйственный инвентарь, предметы религиозного культа) [4; 80].

Фотографии, сделанные Александром Казимировичем на Кавказе (более 200 единиц), имеют огромную научную ценность. Собранный и обобщенный им материал является значительным вкладом в сохранении историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и на сегодняшний день не потерял своей практической значимости в научно-исследовательской работе и музейной практике [5; 39].

На примере деятельности Б. И. Статковского, Ф. И. Пастернацкого и А. К. Сержпутовского отчетливо показан вклад уроженцев Беларуси в изучение Кавказа, который, несмотря на свою отдаленность от современных границ Республики Беларусь, далеко не безразличен научному сообществу как в прошлом, так и в настоящем.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 19.
2. Захаренко И. А. Изучение Востока уроженцами Беларуси. – Минск : Экоперспектива, 2006. – 487 с.
3. Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области : в 2 ч. / Изд. Отд. Ген. штаба Кавк. воен. окр. – Тифлис, 1888. – Ч. 2 : Военный обзор Терской области. – 1888. – VI. – 349 с.

4. Каталог сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера». – СПб., 1913. – 164 с.

5. Максимчик А. Роль А. К. Сержпутовского в сохранении историко-культурного наследия малочисленных народов Северного Кавказа // Ахульго. – 2013. – № 1(13). – С. 34–39.

6. Молчанов Н. С., Пастернацкий Ф. И. (научная, лечебно-педагогическая и общественная деятельность) // Клиническая медицина. – 1954. – № 11. – Т. 32. – С. 75–81.

7. Пастернацкий Ф. И. Кисловодск и его лечебные средства: Отчет врача Кисловод. группы Ф. И. Пастернацкого за сезон 1890 г. – СПб., 1891. – 79 с.

8. Пастернацкий Ф. И. Климатолечебные пункты на черноморском побережье Кавказа. – СПб., 1899. – 91 с.

9. Пастернацкий Ф. И. О лихорадках на кавказско-черноморском побережье от Новороссийска до Сухума. – СПб., 1900. – 77 с.

10. Переписка с сотрудником музея А. К. Сержпутовским о собирании этнографических материалов в Минской, Могилевской, Московской, Курской, Вятской, Уфимской губ. и Дагестанской обл. : описи материалов // Архив Российского этнографического музея. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 578.

11. Предписание наместника Кавказского об учреждении Кавказской археографической комиссии при Главном управлении // Центральный государственный исторический архив Грузии. – Фонд 416. – Оп. 3. – Д. 560.

12. Радде Г. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1-го января 1867 по 1-е января 1892 г. – Тифлис, 1891. – 66 с.

13. Сержпутовский А. К. Поездка в нагорный Дагестан. Со вступлением акад. Н. Я. Марра и его же русским указателем к дидакско-русскому словарю // Живая старина. – 1916. – Вып. IV. – С. 273–302.

14. Статковский Б. И. Задачи климатологии Кавказа: (Читано в заседаниях Кавказского о-ва любителей естествознания 20, 21 и 29 марта 1878 г.). – СПб., 1878. – VI. – 288 с.

15. Хадубскі А. Цывілізацыйная роля беларусаў на Каўказе ў XIX – першай палове XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / рэд. Ул. Конан і інш. – Мінск, 1997. – С. 52–57.

16. Энциклопедический словарь. – СПб., 1901. – Т. XXXI. – С. 516–517.